

Елена Галкина*
 Историк должен
быть уверен в том,
что он — ученый

Главная проблема границ исторической науки, на мой взгляд, состоит в том, что примерно половина историков сами не считают историю наукой и поэтому легко допускают фальсификации в своих собственных трудах.

В нашем обществе бытует мнение, что учебники истории пишутся строго под заказ правящей элиты. Меняется элита — меняется история. Как говорил М.Н. Покровский, «история — это политика, опрокинутая в прошлое».

Что происходило в советское время? Методология истории превратилась у нас в нечто вроде «богословия» и анализа «священных текстов». Даже исторический материализм, который изначально был научной теорией, и таковой, если смотреть объективно, и является, в годы советской власти превратился в своеобразное «вероучение».

Естественно, все это вызвало недоверие к истории как науке сначала у интеллигенции, а потом выплеснулось и в широкие массы. Но дело не только в наследии прошлого — репутацию можно восстановить с помощью грамотного пиара. Хуже всего то, что недоверием к истории как к науке страдает само профессиональное историческое сообщество, которое имеет научные степени и звания, но при этом очень боится слов «теория», «концепция» и «закономерность».

Историк ты, филолог, физик или математик, — нужно исходить из общенаучных методов: из логики как инструмента, единого для всех наук.

Необходимо ставить проблему, которая не решена; на основании известных фактов и, возможно, противоречий между ними сформулировать гипотезу и пытаться ее проверить.

На это сторонники истории как «не-науки» указывают, что в отличие от физиков они не могут провести эксперимент. Но многие гипотезы современной теоретической физики нельзя подтвердить экспериментом в принципе. И в тех же науках о земле проводятся мысленные эксперименты, в которых сопоставляются известные данные.

Если мы строим одну гипотезу на другой вне научного метода, тогда и возникает миф из недоказанных предположений. Потом этот миф

очень трудно опровергнуть. Как специалист по восточной Европе раннего Сред-

невековья, могу привести пример с Хазарией. У нас есть представление о том, что Хазарский каганат — это огромное государство, которое простиралось от нижнего Каспия до левобережья Днепра и где-то там соприкасалось с владениями варягов. Это общее представление. На чем оно основано? У нас есть только один письменный источник, который, возможно, говорит о подобных границах Хазарского каганата, — письмо царя Иосифа середины X века. Притом что по другим источникам Хазарский каганат в то время, когда писал царь Иосиф, не достигал тех размеров, о которых он рассказывает. Мы знаем, что на этих территориях было самостоятельное царство алан, были черные булгары. Но, например, в русских летописях границы Хазарского каганата не обозначены, а по данным арабской географии, территория была значительно меньше, чем упомянутая царём Иосифом. У нас есть этот единственный источник, причем названия племен в нем можно интерпретировать совершенно по-разному. Можно понимать так, что эти племена жили на Волге, а можно говорить, что они обитали по Дону и Днепру. По идее, надо предположить, какие это могут быть племена, проверить гипотезу данными археологии, в том числе посмотреть наличие хазарского культурного влияния, и потом уже возвращаться к границам Хазарии в письме Иосифа. Но в нашей реальности получится иначе.

Итак, источниковед неизбежно приходит к археологам. Археолог же, основываясь на одной из интерпретаций источника, сделанной кем-то много лет назад с опорой на давно устаревшую интерпретацию археологических данных, раскапывает поселение с могильником и говорит: «Мы раскопали Хазарский каганат». Хотя население там оказывается вовсе не тюркское, а какое-нибудь северо-иранское, и у него совершенно другие обычаи, чем были у хазар, и культурного влияния хазар не прослеживается. Получается, что источниковеды опираются, как на факты, на неподтвержденные гипотезы археологов, археологи — на источниковедов... И так начинает расти взаимно недоказанная идея, которую потом почему-то называют теорией. И если раскопать этот снежный ком, в глубине его обнаружится та самая неподтвержденная гипотеза, иначе говоря, открытая проблема. Но и на таком пути может быть много новых установленных фактов и действительно научных открытий, которые в итоге приведут к решению той проблемы, с которой всё начиналось, и даже, может быть, опровергнут первоначаль-

ную гипотезу, которую все уже привыкли принимать как доказанный факт. То есть из вышесказанного вовсе не следует, что история не есть наука.

Просто история еще очень молодая наука и не обладает пока достаточными доказательными мощностями в сравнении с естественными науками. Но и в ней можно выдвигать гипотезы, строить теории, пускай они пока и будут менее доказательными, чем в физике. Главное — это уметь вовремя разбить снежный ком, сохранив установленные факты и отбросив мифы.

Вопрос о науке — это и вопрос существования определенного научного аппарата, конвенциональных определений, терминов и понятий. У нас нередко происходит такой казус: кто-то решает понимать, скажем, революцию, государство, нацию, феодализм по-своему, случайно забыв написать об этом в начале своего исследования. И потом начинает что-то яро утверждать на основании своего представления, которое сильно отличается от того понимания (или нескольких пониманий), к которому пришли представители исторической мысли. Такое обращение с терминологией, размытость понятийного аппарата тоже показывает, что наука история, как и другие науки об обществе, ещё очень молода, и границы её нередко размыты.

Но историк должен быть уверен в том, что он — ученый. И должен использовать тот самый общенаучный метод, который применяется в остальных науках, — проверенный путь от гипотезы до доказательства. Тогда с проблемой фальсификации и разделением на то, что есть наука, а что нет, будет гораздо проще.

Петр Сафронов**

Карго-наука

Границы научности есть также границы мира науки. Мира настоящей науки. Этот мир нельзя разместить в пределах географической карты. Его можно почувствовать, извне упираться в границы. Или можно просто жить в нем, если повезет, например, с выбором учебного заведения после окончания школы. Вопрос о границах научности — это вопрос о том, где может быть наука и где ее быть не может.

Что делает возможной современную науку? Люди и деньги. Высокопрофессиональные кадры и щедрое финансирование, направленные на решение конкретной задачи. Это и есть границы научности.

Там, где нет двух этих условий, можно сколько угодно искать науку и не находить ее. Зато в этих

местах есть беспокойная озабоченность тем, чтобы никто не понял истинного положения вещей. Тем, чтобы никто не почувствовал, как слабо отличаются друг от друга шарлатаны и «настоящие ученые». Наука за границами научности превращается в своеобразную версию карго-культы. Изготавливаются копии инструментов, копии институтов, копии профессиоаналов. И все эти инструменты, институты и профессиоаналы не работают. Потому что не могут. Потому что не знают как. Потому что им просто нечего делать.

Итак. Существует работающая наука. И существует неработающая карго-наука. Они находятся в разном пространстве и в разном времени. Граница между двумя мирами заметна каждому внимательному наблюдателю. Та самая граница научности, о которой идет речь. Проблема заключается в том, что представители неработающей карго-науки постоянно с пеной у рта доказывают свою научность. Они делают это, ссылаясь на умопомрачительные количественные показатели: число докторов наук на единицу площади, число НИИ на квадратный километр и так далее. С этим не поспоришь: количественные показатели звучат очень убедительно. Только вот наука не работает. Почему?

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, заключается в том, что массовая (т.е. основанная только на количественных показателях) наука вообще не может работать. Границы научности в современную эпоху определяются эффективностью использования науки. Наука сейчас больше не является ценностью сама по себе. Все меньше и меньше становится тех, кто заинтересован в чистом поиске истины. Наука становится товаром, превращаясь в технологии. И теперь уже технологии стимулирует развитие обслуживающей их науки. Научность определяется полезным эффектом создаваемых на основе тех или иных теорий технологий. Там, где отсутствует связь науки и технологического развития, нет и работающей науки. Там проходят границы научности.

У карго-науки нет никакого шанса преобразиться в обычную работающую науку. Ведь чтобы оказаться по эту сторону границ научности, нужны люди и деньги. Но деньги не пойдут туда, где нет настоящих профессиоаналов. А люди не пойдут туда, где нет того финансирования, которого они заслуживают. Получается замкнутый круг. Следовательно, карго-наука не подлежит реформированию. Ее надо просто оставить в покое. И знать про себя, что речь не идет о какой бы то ни было научности. Оставим ей игрушку «фундаментальности».

Современная наука как совокупность потрясающе разнообразных отраслей знания

* Елена Галкина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории МПГУ